

ПИТЕР
ПОКЕТ

**АЛЕКСАНДР
СОСНОВСКИЙ**

“ГЕСС”

ТАЙНЫЙ ПЛАН ЧЕРЧИЛЛЯ

«Александр раскрывает такие впечатляющие подробности этой тщательно скрываемой страницы мировой истории, что вам будет очень тяжело оторваться от этой захватывающей книги».

Владимир Соловьев, журналист,
ведущий т/к «Россия 1», канала «Соловьев Live».

Александр Сосновский

«ГЕСС». Тайный план Черчилля

Серия «ПИТЕР ПОКЕТ»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67878936
«ГЕСС». Тайный план Черчилля: Питер; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-00116-852-2*

Аннотация

Документально-приключенческий детектив ««ГЕСС». Тайный план Черчилля» написан на основе реальных фактов, которые Александр Сосновский собирал на протяжении многих лет. Автор был знаком и тесно общался со многими прототипами главных героев книги – с сыном Рудольфа Гесса, его личным санитаром Абдуллой и бывшим сотрудником ЦРУ, директором тюрьмы, где содержался Гесс.

Содержание

Отзывы о книге	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Сосновский

«ГЕСС». Тайный план Черчилля

Часть средств от продажи книги будет перечислена в библиотечные фонды территорий, пострадавших от военных действий.

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Александр Сосновский, 2022

© Серия «ПИТЕР ПОКЕТ», 2022

ОТЗЫВЫ О КНИГЕ

В году 1993-м в городе Париже – тогда можно было еще туда ездить – я встретился с Николасом Комаровым. Это был уже очень взрослый человек, который рассказал мне удивительные истории, изменившие мое представление о времени и о его плотности. Он рассказывал, что его матушка, которая выросла в Париже, еще маленькой девочкой гуляя по Елисейским полям со своей матушкой, каждый день встречала одного и того же очень благовидного, можно даже сказать красивого, благородного человека. Этот уважаемый господин здоровался с семьей Николаса, а бабушка и мама никогда ему не отвечали. И когда мальчик спросил: «А почему мы никогда не отвечаем этому приятному месье?», ответ был таков: «Это Дантес».

Таким образом, совершенно неожиданно, в 1993-м году через несколько рукопожатий я оказался близок к Пушкину.

Я не знаю, хотел бы я так же, как мой друг, замечательный, глубокий профессионал Александр Сосновский, оказаться настолько близко к Гессу, к нацистским преступникам. Потому что все-таки Пушкин и Дантес – это история, трагическая для русской литературы, но Дантес не стал абсолютным мировым злом. А вот все окружение Гитлера, конечно, стало.

Александр находит невероятные повороты в истории Гес-

са, с которым он оказался знаком через одно рукопожатие – рукопожатие с его сыном. И раскрывает такие впечатляющие подробности этой тщательно скрываемой страницы мировой истории, что вам будет очень тяжело оторваться от этой захватывающей книги.

В. Р. Соловьев журналист, ведущий т/к «Россия 1», канала «Соловьев Live»

* * *

После окончания Второй мировой войны прошло больше 75 лет, но эта тема продолжает оставаться крайне актуальной. Несмотря на то что о войне написано огромное количество книг и исследований, еще остаются страницы ее истории, которые так и не получили окончательной оценки.

Различные архивы продолжают хранить документы под грифом особой секретности, и многие факты и события все еще не раскрыты.

Один из таких вопросов – возможное тайное соглашение Гитлера с Великобританией в 1941 году о прекращении налетов на Великобританию в обмен на отказ Черчилля от открытия второго фронта. В этом случае Англия могла бы сохранить колонии и влияние на Западную Европу, а Германия имела бы возможность за несколько месяцев уничтожить СССР и получить его территорию и ресурсы.

Эта история полна тайн. Ее основной участник Рудольф Гесс, рейсхминистр и партийный заместитель фюрера, совершил тайный полет в Англию, чтобы встретиться там с Черчиллем и по возможности договориться и устроить встречу британского премьера и рейхсканцлера.

Официально считается, что полет Гесса был неудачным: самолет сбит, никакой встречи не было и Гесс был отправлен в тюрьму. После Нюрнбергского процесса он находился в заключении в тюрьме Шпандау в Берлине. Неоднократные попытки добиться его освобождения грозили серьезными разоблачениями, поэтому сообщение о самоубийстве Гесса в 1987 году оставило много пока не решенных вопросов.

Свою версию этих событий предлагает известный журналист и публицист Александр Сосновский в книге «ГЕСС. Тайный план Черчилля».

Книга на основе многолетних изысканий и рассказов свидетелей событий 1987 года, с которыми Сосновский встречался в Германии в 1998 году, написана ярко и увлекательно. Интригующая художественная форма повествования с большим мастерством совмещена с четким анализом политической ситуации как во время Второй мировой войны, так и в современной геополитике.

Восстановление документальной правды – одно из главных достоинств этой книги, и я считаю, что она, несомненно, будет интересна широкому кругу читателей.

К. Г. Шахназаров, генеральный директор киноконцерна

«Мосфильм», кинорежиссер, народный артист России

Глава 1

17 августа 1987 года. Берлин

Телетайп: «Сегодня в тюрьме Шпандау покончил жизнь самоубийством заместитель Гитлера, глава НСДАП Рудольф Гесс; 93-летний нацист повесился на шнуре от электролампы».

Абдулла быстро перебирал в руках желтые четки. У высокого забора, за которым виднелось красное кирпичное строение, был всего один вход, больше похожий на амбразуру гигантского дота. Через каждые пятьдесят метров в ограду была встроена вышка охраны, на которой стояли солдаты, вооруженные автоматами. По два охранника – по одному на каждую сторону. Они разместились на вышке спина к спине, внимательно осматривая территорию.

Массивное здание из красного кирпича, обнесенное высокой оградой с двумя рядами колючей проволоки на самом верху, после Нюрнбергского трибунала было перестроено под особые нужды. По решению трибунала оно стало местом заключения для осужденных нацистских преступников – Бальдура фон Шираха, адмирала Деница и других. Седьмым в списке заключенных был Рудольф Гесс – заместитель Гитлера по НСДАП, приговоренный к пожизненному заключению. Именно с ним долгие годы работал Абдулла, тунисец,

уже много лет проживающий в послевоенной Германии.

Абдулла был личным санитаром Рудольфа Гесса и знал медицинскую карту своего пациента наизусть. Фактически он превратился в доверенное лицо престарелого нациста.

Абдулла простоял уже несколько минут, а дверь все не открывалась. Такое иногда бывало, когда охранники не спешили бросать свое чаепитие, не обращая внимания на посетителей у входа. Тогда приходилось ждать.

Абдулла несколько раз нажал на кнопку звонка, но никакой реакции не последовало. Он вдавил палец в звонок, уже не отпуская руки. Окошко приоткрылось.

– Что тебе? Иди домой, – процедил вахтер.

– Откройте мне! – Абдулла наклонил лицо к окошку и произнес жестко и раздельно: – Мне нужно к Гессу. Меня вызвали, ему плохо!

– Иди домой, – огрызнулся лениво солдат.

– Быстро открой! Ты не слышал? Меня вызвали к Гессу, ему нужна моя помощь.

– Да иди, иди уже, придурок! – почти весело проорал в ответ вахтер и все-таки открыл входную дверь.

Тяжелая, металлическая, окрашенная в зеленовато-серый цвет дверь со скрипом медленно отъехала в сторону.

Абу сунул в лицо охраннику свой пропуск с жирной красной полосой, на которой хорошо было видно слово ERLAUBT («Разрешено»), и побежал к садовому домику, где обычно сидел днем Гесс.

Гесса приводили сюда сразу после завтрака, около семи утра. Он заходил в домик, санитар или вахтер помогали ему снять серое пальто, которое он носил даже летом. Гесс садился на деревянный стул и начинал рассматривать карту лунного неба, которая была пришпилена на стене напротив стола. В это время он замыкался, не отвечал на вопросы, и охрана, зная это, просто оставляла его одного. Охранники выходили на крыльцо и, если погода позволяла, часами курили там, изредка заглядывая в домик: все ли в порядке у Гесса?

Так проходили годы, и санитар Абдулла давно вжился в этот порядок, находя в нем особую прелесть – спокойное, даже приятное времяпрепровождение. Иногда Гесс рассказывал ему что-то, и Абдулле это было очень интересно. Гесс разговаривал четко, законченными фразами, и не верилось, что ему уже за девяносто лет.

Абдулла распахнул дверь и увидел охранника, склонившегося над телом Гесса. Гесс был одет в длинную шинель, руки раскинуты в стороны, лицо закрыто какой-то тряпкой. Видно было, как охранник делает ему искусственное дыхание. Рубашка у солдата распахнулась, лицо заливал пот. Абдулла толкнул его рукой:

– Уходи, пусти меня!

Охранник вскрикнул, в его голосе прозвучали истерические нотки:

– Свинья мертва!

Санитар оттолкнул его от тела Гесса.

– Звони директору, срочно! – зашипел он в лицо охраннику.

Солдат выбежал, а Абдулла начал умело делать Гессу непрямой массаж сердца. Никаких признаков жизни заключенный не подавал. Абу приложил обе руки к шее Гесса, прощупывая пульс.

– Все. Бесполезно. Он свое отсидел – Гесс мертв, – произнес он через несколько минут ровным голосом и присел на табуретку. Повернул голову в сторону тела. На лице Абдуллы не было видно признаков жалости, только заострившиеся скулы выдавали напряжение. Он достал из санитарной сумки небольшой блокнот, карандаш и присел к столу. Начал что-то чертить в блокноте, затем остановился и снова посмотрел в сторону тела Гесса. Губы Абдуллы зашевелились, он что-то очень тихо произнес. Можно было разобрать горланную арабскую речь и последние слова поминальной молитвы, сказанные им отчетливо и громко: «Уа-нах-ну биль-ассар».

Затем он аккуратно сложил блокнот и спрятал его в нагрудный карман.

Глава 2

Ноябрь 1991 года.

Генконсульство СССР в Берлине

В консульстве, монументальный комплекс зданий которого одной стороной выходит на Унтер-ден-Линден, почти упираясь в Бранденбургские ворота, давали прием по случаю празднования Седьмого ноября.

Роман подошел к проходной, достал паспорт и распечатанное приглашение на прием, подал все одной рукой человеку, стоящему у входа. Проверка длилась несколько секунд. Роман зашел в здание консульства и поднялся по лестнице в актовый зал, где уже были накрыты столы с напитками и едой. Взял рюмку с водкой, не спеша рассматривая гостей и красивое помещение.

Почти сразу к нему подошел немолодой седой мужчина и, подняв свой бокал, молча пригласил выпить. Роман охотно повернулся к нему, поднял в ответ свою рюмку с водкой и сказал по-немецки с сильным русским акцентом, выделяя звук «р»:

– Будем здор-ровы!

Мужчина в ответ негромко засмеялся, сделал несколько глотков из бокала.

– Хелло, меня зовут Берд, Юджин Берд.

– Судя по вашему имени, вы не немец, я прав?

– Да, конечно, я американец. Столько лет в Германии, а мой акцент остается... Но и у вас акцент, вы тоже не немец? Говорите по-русски? Я слышал, как вы разговаривали, поэтому подумал: кто вы? Посольский? Или гость?

Роман с интересом выслушал скороговорку, кивнул и сделал глоток из своей рюмки.

– Что же заставляет американца жить не в стране бесконечных возможностей, а в сухой, педантичной, неяркой Германии?

– О, это длинная история. Я живу здесь уже лет тридцать. Моя жена немка, а у меня неплохой домик тут, в Берлине. А вот вы? Работаете врачом? У вас столько знакомых.

Роман громко и заразительно засмеялся.

– Почти угадали, но я лечу души. Я журналист. Не могу пожаловаться, но иногда это скучновато. Интересных историй на всех не хватает.

Берд оживился, допил свой бокал с вином и приблизил лицо к Роману.

– Вам повезло, молодой человек. Вы выпили водки с тем, кто может вам такую историю рассказать! Я тот самый...

Берд легко коснулся рукава Романа и потянул его за собой в дальний конец зала, туда, где было не так много людей. Они остановились у столика, от которого как раз отошли несколько человек. Роман с интересом глянул на своего нового собеседника. Берд улыбнулся.

– Я знаю, что вы сейчас думаете. Думаете, расскажу любовную историю престарелого американца, которую продам вам как суперстори?

Роман неловко попытался ответить, но Берд коснулся его плеча рукой с массивным перстнем на мизинце и, не давая Роману говорить, продолжил сам:

– Что вы знаете о Рудольфе Гессе? Наверняка что-то слышали, но, уверен, никаких подробностей не знаете. Да и откуда вам их знать, если эти подробности известны очень немногим.

– Тот самый, который летал к Черчиллю? Говорят, это Гитлер его заставил?

– Да-да, он.

– Так ведь полет закончился ничем, Гесса арестовали?

– И осудили в Нюрнберге... – Роман оживленно оглянулся. – Он сидел в тюрьме до самой своей смерти? Старый нацист. Знаю, я читал как-то его историю. Умер – и слава богу, одним негодяем меньше.

Берд отреагировал моментально:

– Рудольф Гесс сидел в Шпандау. Это тюрьма в Берлине. Однажды охранники нашли его повешенным. История произвела много шума, – Берд помолчал несколько секунд, его старые пальцы неуклюже скомкали салфетку, которую он взял со стола. – Я был директором этой тюрьмы. Он был мне другом. – Берд еще ближе наклонился к Роману. – И я знаю, как он умер, это было не самоубийство – Гесса убили.

Роман не перебивал, но на его лице проскользнула скептическая, даже несколько брезгливая гримаса.

– Отличная история. Но для желтой прессы. Не хочу обидеть, но обычно все такие истории придуманы, – Роман сделал глоток из стакана с водой, стоявшего на столе.

Берд молчал. На слова и мимику Романа не реагировал. Салфетка в его руках превратилась в скатанный белый шарик. Молниеносным движением, удивительным для его неуклюжих пальцев, бросил бумажный шарик в пустой бокал на другом конце стола. Удовлетворенно кивнул, убедившись, что попадание было точным.

– Я был директором. Вы это понимаете? Все, кто там работал, имели отношение к разведке... Я работал в разведке, но был директором тюрьмы... Колонель... Полковник ЦРУ.

Роман оживился, и Берд продолжил:

– Я имею привычку наводить справки. И хотя я на пенсии, но кое-что могу. И про вас, уж извините, тоже навел справки. Вы опытный журналист, у вас связи, вы русский. Это важно.

– Важно, что я русский?

– Я пришел сюда, чтобы увидеть вас. Достаточно?

– Но я не русский в прямом значении. Во-вторых, извините, вообще не понимаю. О чем вы? Вербовать будете? – Роман вновь засмеялся.

Берд, не ответив на выпад Романа, полез во внутренний карман пиджака и достал визитную карточку.

– Здесь мой адрес и номер телефона. Я стар, по вечерам

никуда не хожу, сижу дома. Если решите провести меня, можете это сделать в любой день недели. Лучше, если это будет вечер. Тогда вы убедитесь, что я не рассказываю сказки, и, возможно, найдете для себя тему на ближайшие лет двадцать.

Берд слегка поклонился, повернулся и пошел к выходу. Роман крутил в руках визитную карточку, на ней было всего несколько слов – Юджин Берд и номер телефона. В самом низу – дописанные старческим почерком улица и номер дома.

Глава 3

25 апреля 1941 года. Гитлер разрешает операцию «ГЕСС»

Личный кабинет Гитлера – это небольших размеров комната, рядом с официальным залом, где Гитлер занимался обычной работой – вел совещания, смотрел бумаги. В личном кабинете не было явных атрибутов власти, кроме флага со свастикой, растянутого почти под самым потолком. Плотно зашторенные окна, серо-зеленые обои на стенах. Письменный стол из темного дерева и два деревянных кресла перед ним. На стене – большая карта мира, на которой флажками отмечены какие-то, только Гитлеру понятные, географические пункты. Сбоку, между столом и окном, маленький секретер, на котором расположился телефон. По нему можно было связаться только с личным секретарем Гитлера, Шмидтом. На полу, свернувшись, лежала овчарка Блонди и изредка смотрела прямым взглядом на своего хозяина. Впрочем, сам Гитлер внимания на своего пса не обращал.

В дальнем углу молчали напольные часы в черном инкрустированном дереве. На верхних углах часового шкафа искусно вырезаны орлы, держащие в когтях некое подобие земного шара. Но маятник не двигался, часы стояли – Гитлер не выносил их боя. Это вызывало у него вспышку ярости, кото-

рая заканчивалась истеричным требованием остановить маятник. Секретарь всегда останавливал маятник перед приходом фюрера и запускал его, когда Гитлер покидал кабинет.

Гитлер был сегодня одет в зеленый френч с застегнутым воротником. Он сидел за столом, спрятав руки в широкие рукава кителя, и смотрел на карту.

Раздался сигнал громкой связи, Гитлер подвинул кресло-стул к пульту, включил приемник.

– Это Гесс. Мне нужно к тебе. Только мы... Это очень важно.

Гитлер молча слушал, слегка кивая головой.

– Ты всегда можешь ко мне. Опять план?

– Да. Опять. От моих людей в Англии.

Гитлер взял в левую руку карандаш с красным ободком на конце.

– Надоело мне это. Молотов подписал, а Сталин воевать не будет.

– Мой фюрер, у меня другие...

– Молчи, – перебил Гесса Гитлер, – только второй фронт. Только второй фронт! Слышишь? Меня волнует второй фронт!

Гитлер отключил Гесса от связи, встал и медленно пошел по кабинету, ненадолго остановился у карты и опять заходил по комнате, вернулся к столу и сел. Спрятал руки в рукава, откинулся на спинку и полузакрыв глаза. Через мгновение он наклонился к столу и нажал кнопку громкой связи.

– Эль Бабира, – бросил он коротко.

– Яволь, майн фюрер! – послышался четкий ответ секретаря, и через несколько мгновений Гитлера соединили с Эль Бабирой.

Эль Бабира – один из немногих советников в окружении Гитлера. Он египтянин. Астролог и ясновидящий, которого Гесс много лет тому назад представил Гитлеру. Фюрер слушал его предсказания, спрашивал совета.

Гитлер, вяло:

– Ты можешь что-то сказать на сегодня?

Эль Бабира:

– Мой фюрер, ты на подъеме, не бойся брата твоего.

– Брата? Какого брата?

– Не каждый брат тот, кто в твоём доме, – послышался вкрадчивый голос египтянина.

В комнату зашел Шмидт, адъютант. Блонди подняла голову, встала и медленно пошла в его сторону.

Шмидт:

– Рейхсминистр Гесс.

Гитлер, не отвечая Эль Бабаре, нажал на кнопку, прерывая разговор.

Гесс зашел, сутулясь и пытаясь при этом сохранить военную выправку. Задрал вверх подбородок.

Гитлер, не поднимаясь с кресла:

– Мы выпьем чай.

Гесс, не доходя до стола:

– Адольф, я думаю, что другого выхода у нас нет. Война на два фронта может погубить рейх. Надо договориться с Лондоном. Я лечу туда, меня ждут.

Гитлер, не меняя выражения лица, взял в руки тот самый, с красным ободком, карандаш, скрывая дрожание пальцев.

Гесс:

– Русские никогда не нарушат первыми наш пакт, но Англия в тылу? Чересчур большая опасность. Я уверен, что Черчилль согласится с нашим планом. Тогда второго фронта не будет.

Гитлер, слегка раздраженно:

– Это я уже слышал. Пока это все разговоры. Моим расчетам надо верить, моим, а не твоей информации.

Он положил карандаш на место, встал из-за стола и медленно прошел в другой конец кабинета.

Кабинет Гитлера был совсем не такой большой, как можно было ожидать. В этом кабинете фюрер принимал самых близких, в том числе Гесса и Гиммлера. Для разговоров один на один Гитлер выбирал всегда «кабинет мысли», как он называл эту комнату.

– Все последние дни мне просто ничего другого не говорят. Такое впечатление, что вы все пользуетесь одним и тем же источником.

Гесс:

– Я не знаю, что ты получил, но за свою информацию я ручаюсь.

Гесс был одним из немногих, кто мог обращаться к Гитлеру на «ты».

Гитлер:

– У меня был Риббентроп. Он сказал, что пытается установить через своих людей в Египте контакты с английским руководством.

Гитлер повысил тон:

– Особых надежд на Риббентропа я не питаю. То же самое говорил мне Гиммлер. Он что, любит Черчилля, скажи-ка мне, Гесс?

Гитлер не верил никому. Но Гессу он верил – они были друзьями со времен путча в Мюнхене.

– Ладно. Сумасшедшая затея, но попробуй. Только ни слова Гиммлеру. Мне надо точно знать, с кем и о чем ты будешь говорить. Но спеши, спеши – времени нет. Мы должны получить согласие Черчилля не воевать против нас. А мы перестанем их бомбить. Хороший план! Хороший. А ты молодец, Руди! Как думаешь, они готовы на такое?

Гесс кивнул.

– Меня уже ждет Гамильтон. Сейчас доработаем план, и я лечу в Англию. Черчилль согласится. Некуда ему деваться. И главное, он жаден. Пойдет с нами – получит жирный кусок. Не пойдет – превратим Лондон в пепелище.

Гитлер медленно шел к креслу, уже не обращая внимания на Гесса. Гесс молча вскинул руку и вышел.

Через небольшую щель между тяжелой шторой и окном

пробился лучик, упал на массивный дубовый глобус. Гитлер заметил это и начал рассматривать место, которое освещал луч. Затем сильно дернул штору, и лучик света исчез.

Глава 4

Берлин. Ноты Вагнера

Гесс ехал в своем черном, блестящем лаком «Хорьхе» по улицам Берлина.

Он только что вышел от фюрера, недоверчивые слова Гитлера глубоко уязвили его. Гесс вдруг вспомнил, как в 1923-м, однажды утром, в тюрьме, где они сидели после путча, он чуть было не разругался с будущим вождем рейха. Гесс поднял воротник толстой шинели, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза...

...Ландсберг. Тюрьма, в которой Гитлер, Гесс и несколько их друзей отбывали наказание за путч в Мюнхене. Начальство относилось к ним благосклонно, они могли впятером находиться в одной большой комнате, которая мало напоминала тюремную камеру. Это было помещение семь на восемь метров, с двумя большими окнами в массивных рамах, но даже без решеток, обычных в тюрьмах того времени. Он был молод, ему не исполнилось и тридцати, он был полон сил и надежд и с обожанием смотрел на своего старшего камрада — Гитлера. Будущий фюрер был ненамного старше, за спиной обоих — война и неудавшийся путч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.